

№192 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Незадачливая любовь к ближним

Народная мудрость гласит: друзья познаются в беде. Это понятно. Предположим, заболел человек - ему нужна дорогостоящая операция, и здесь очень много чего проясняется. *О. Иоанн*: «Помню, Ирина - моя супруга - оказалась в реанимации - срочно нужна была кровь, и что для меня было поразительным, на горизонте появились люди, не очень близкие нашей семье, но готовые дать свою кровь. **Деньгами** помогали покупать медикаменты - тоже люди не из первого круга. А некоторые из самых близких оказались безучастными». Так бывает почти всегда. И говорить о том, что плохо быть чёрствым и неотзывчивым, и прекрасно, когда люди добрые и щедрые - слишком банально - это и так всем ясно.

Поэтому и тема наших последних воскресных бесед не о том - нужна ли нам доброта или не нужна, а о том - как часто любвеобилие проявляется в формах извращённых, или направлено, как говорится, не в ту сторону, и оказывается нашим ближним во вред. *О. Иоанн*: «Ну вот, самый простой пример - меня, бывает, мучит так называемая в народе изжога. Это результат повышенной кислотности в желудке. Самый простой народный метод - обыкновенная пищевая сода - половина чайной ложки на стакан воды - принял, и никаких проблем. Химия здесь очень простая - щёлочь нейтрализует излишнюю кислоту в желудке, вот и всё - живи комфортно и с хорошим настроением. Врачи, правда, не очень одобряют такой метод - дескать, для желудка нехорошо, но по 30-тилетнему опыту, лично мне сода больше нравится - действует гораздо эффективнее, чем тот же Маалокс или Альмагель.

Но дело в другом - есть люди, у которых кислотность не повышена, а понижена. И для того, чтобы помочь работе **их** желудка, они перед едой должны выпивать малость соляной кислоты - ну, естественно, разведенной. В аптеках этот раствор называется желудочным соком. Сейчас уже, слава Богу, - нет, а было время - наш Владыка соляную кислоту попивал.

И вот, представьте себе, заболел желудок у нашего Владыки, и я хочу ему помочь, исходя из своего личного опыта: беру ложку соды, разбалтываю её в стакане, подаю отцу, и он, не дай Бог, выпивает эту щёлочь. Что из этого получится? Может быть, и - «вечная память», я не врач - не знаю, но, во всяком случае, ничего хорошего. Щёлочь уничтожит оставшуюся кислоту в желудке, которой в данной ситуации и так не хватает. Или, наоборот - просто страшно подумать, что случилось бы, если в тот момент, когда меня из-

водит изжога, какой-то сердобольный человек, мучающийся дефицитом желудочного сока, подсунул бы мне стакан соляной кислоты - у меня, наверное, желудок буквально растворился бы, и глаза бы на лоб вылезли.

Как видите, два взаимоисключающих друг друга вещества - щёлочь и кислота. Одному для поправки здоровья нужен, так сказать, кипяток, другому - лёд».

Также и в жизни духовной - кому-то недостает слёз покаяния, а кому-то - **оптимизма** в надежде на спасение. Одного необходимо обличить, а другого - подбодрить. Первому нужно чуть ли не каждый день читать покаянный канон Андрея Критского, а второму - благодарственный акафист «Слава Богу за всё». Для кого-то более полезны творения преподобного Ефрема Сирина, который так много писал о благословенной **скорби** - плаче о своих грехах, той скорби, которая является необходимой частью духовной жизни, а кому-то лучше почитать старца Варсонофия - афонского странника, о котором упоминается у Владимира Соловьёва в философском произведении «Три разговора».

Если кто из Вас читал - помнит, как старец себя вёл с хмурыми людьми, самоедами. Например, приходит к Варсонофию унылый человек, постоянно мучимый различными нравственными сомнениями - мол, а прав ли я был в этом, не погрешил ли в том, Варсонофий сразу же его прерывал: «Э-э, насчет грехов своих сокрушаешься - брось, пустое! Вот как я тебе скажу: в день 539 раз греши, да, главное, не кайся, потому, согрешить и покаяться - это всякий может, а ты греши постоянно и не кайся никогда; потому, ежели грех - зло, то ведь зло помнить - значит быть злопамятным, и этого никто не похвалит. А самое что ни на есть худшее злопамятство - **свои** грехи помнить. Уж лучше ты помни то зло, что тебе другие сделают, - в этом есть польза: вперёд таких людей остерегаться будешь, а своё зло - забудь о нём и думать, чтоб вовсе его не было. Грех один только и есть смертный - уныние, потому что из него рождается отчаяние, а отчаяние - это уже, собственно, и не грех, а сама смерть духовная.

Ну а какие ещё там у тебя грехи, - продолжал старец Варсонофий, - пьянство, что ли? Так ведь умный человек пьёт, доколе вмещает, он бесконечно пить не будет, а дурак - тот и ключевую водкой обопьётся, значит, тут сила не в вине, а в безумии. Иные по безумию и сгорают от водки, не то что одним нутром, а так, что и снаружи весь почернеет, и огоньки по нём пойдут, - сам своими глазами видел, - так тут уж о каком грехе говорить, когда из тебя сама геенна огненная воочию проступает.

Насчёт этих разных нарушений тобою седьмой заповеди - «Не прелюбодействуй», - рассуждает афонский старец, - по совести скажу: судить мудро, а похвалить никак невозможно. Нет, не рекомендую! Конечно, оно удовольствие пронзительное - это что и толковать, - ну а, в конце концов - унылое, и жизнь обедняет. Ежели мне не веришь, посмотри вот, что ученый - немецкий доктор пишет». И Варсонофий брал с полки книгу старинного вида и начинал её перелистывать. «Одно, брат, заглавие чего стоит! "Ма-кро-би-оти-ка Гу-фе-лан-да!" Вот, смотри-ка, тут на странице 176...» - И он с расстановками прочитывал страницу, где немецкий автор усердно предостерегает от нерасчётливой траты жизненных сил. «Вот видишь! Так из-за чего же умному человеку в убыток-то входить? В молодую-то, несмысленную

пору, оно, конечно, и невесть что мерещится; ну а потом - нет! - себе дороже.

Но, упаси, Боже, прежнее всё вспоминать да сокрушаться: зачем, мол, я, окаянный, невинности своей лишился, чистоту душевную и телесную потерял? – продолжал Варсонофий. - Так это, я тебе скажу, одна чистая глупость, это, значит, себя прямо-таки дьяволу в шуты отдавать. Ему-то, конечно, лестно, чтобы твоя душа вперёд и вверх не шла, а всё на одном грязном месте топталась бы. Так вот тебе мой совет, твердил святой: как начнёт он тебя этим самым раскаянием смущать, ты плюнь да разотри - вот, мол, и все мои грехи тяжкие – сильно они важны для меня! Небось, отстанет! - по опыту говорю...

Ну а ещё там, какие за тобой беззакония? - продолжал Варсонофий. - Воровать, чай, не станешь? А ежели и украл - невелика беда: ныне все воруют. Так, значит, ты о таких пустяках и не думай, а берегись только одного - уныния. Если, вдруг, придут в твою голову мысли о грехах, что, мол, не обидел ли я кого чем-нибудь, так ты в театр, что ли, сходи, или в компанию какую-нибудь весёлую, или листы скоморошеские почитай», - советовал афонский старец.

«А хочешь от меня непременно правила, - говорит Варсонофий, - так вот тебе и правило: в вере будь твёрд не по страху грехов, а потому, что уж очень приятно умному человеку с Богом жить, а без Бога-то довольно пакостно; в слово Божие вникай, ведь его если с толком читать, что ни стих - как рублём подарит; ходи в храм в праздники и по неделям, ежедневно хоть раз или два молись с чувством. Умываться-то, небось, не забываешь, а молитва искренняя для души лучше всякого мыла. Постись для здоровья желудка и прочих внутренних - теперь все доктора советуют после сорока лет; о чужих делах не думай и благотворительностью не занимайся; а встречным бедным давай; на церкви и монастыри тоже жертвой без счета - там уж в небесном контроле все сами подсчитают, - ну, и будешь ты здоров и душой, и телом, а с ханжами какими-нибудь, что в чужую душу лезут, потому что в своей пусто, с такими ты даже не разговаривай».

Вот так. Хороший старец – нам бы каждому такого духовника, и жизнь веселее пошла бы! Не правда ли? Однако, не факт, что старец Варсонофий и с нами стал бы говорить в таком же ключе. Скорее всего, наоборот, он напомнил бы нам все образы ада – и сковородки раскалённые, которые нам придётся лизать на том свете, и котлы с кипящей смолой, и червей, которые нас будут заживо грызть, и прочее. Оно, ведь, не зря подобные приёмы духовничества не проповедуются и не распространяются в Церкви. Понятно, почему. Нам только скажи – грехи и не кайся! Дважды повторять не придётся!

И, тем не менее, духовная жизнь – она не тиражируема – это творческое многообразие в динамике, а любой штамп – смерти подобен. Духовник, который всем подряд говорит одно и то же – это слабый духовник, не соответствующий своему званию.

Вот святой Григорий Двоеслов, литургию которого мы с Вами служим в Великом посту. Все знают, почему его прозвали Двоесловом? Потому, что он по одному и тому же поводу говорил вещи диаметрально противоположные. В какой-то момент он мог похвалить за очень сомнительный в нравственном плане поступок свое духовное чадо, а в иной раз - кого-то выговорить за явно доброе дело. Приходит однажды к Григорию Двоеслову посетитель за духовным советом и

хвалится – а я, мол, исполнил заповедь Христову – помирил двух людей, давно враждующих между собою. - «Ну и нашёл, чем хвастаться, - отвечает святитель, - так они всю свою злобу друг на друга выплёскивали, а теперь ты их объединил, и как-то окружающим будет от их союза?! Представляешь, сколько бед из-за тебя, окаянного, может случиться?!»

Так что, моральная помощь, а тем более, духовная поддержка – это далеко не так просто, как иногда кажется. Одному нужна кислота, а другому - щёлочь. Одного нужно похвалить, а другого - укорить. И если ты склонного к самоедству и унынию ещё и добьёшь своими укорами, тот может вообще не подняться. Как, впрочем, и, наоборот, похвала в адрес гордеца или духовно дремлющего человека – это гранёный стакан соляной кислоты, предлагаемый человеку, который страдает изжогой.

Домникия Таврическая

продолжение

Однажды отец Пётр Замараев с матушкой Пелагией очередной раз поехали к Матушке в Цюрупинск. С ними был малолетний сын Ваня. Приняла она всех ласково. Посадила за стол. Угостила и спрашивает: «А у вас один только сын?» - «Да!», - ответили родители. «Хватит с вас и одного!», - заключила Домна. Так оно и свершилось.

Отца Петра беспокоил вопрос, есть ли воля Божия в его служении Церкви, и он её спросил: «Матушка, вот я служу в соборе, но нет у меня такого дара, какого требует от меня священный сан. Быть может, не этого от меня хочет Бог?» Она отвечала: «Служи, служи!» И дала ему просфору и деньги. Яркие символы – Пётр-Дамиан непрерывно, до самой старости, служит Литургию на просфорах, и никогда не имел личной нужды в деньгах. (На прошлой неделе были прооперированы глаза – дорогостоящее дело - но отцы, братья и сёстры собрали деньги, сполна покрывшие все расходы по медицине (ред.)). Хотя, в начале служения, в годы Хрущёвских гонений, трудно было рассчитывать на длительное служение. Вспоминает отец Пётр, что когда принимал он священнический сан, думал, что годик-два послужит, а там храмы все закроют, и служить будет негде.

Потом Матушка Домникия дала сыну Ване Замараеву деньги и чётки на пятьдесят бусинок, и сказала: «Ви купити йому гармоньку, і він буде співати: «На Божественней страже Богоглаголивый Аввакум, да станет с нами и покажет светоносна Ангела, ясно глаголюща: «Днесь спасение миру. Яко воскресе Христос, яко всесилен!» И сама пропела весь этот Пасхальный ирмос. Под конец, как обычно, проводила она гостей за калитку.

Замараевы возвратились домой, а дня через четыре получили извещение. Бывший соборный регент, Анна Васильевна, из города Днепродзержинска высылает Ване в подарок для учения физгармонь. А когда Ваня поступил в музыкальную школу, купили ему и пианино. Таким образом, пророчество Домникии исполнилось. В годы учёбы в духовных школах Ваня был регентом - и в семинарии, и в академии. А потом стал священником «на Божественной страже». А может, это было ещё и пророчеством о применении электрооргана за нашими Богослужениями – впервые на постсоветском пространстве.

Продолжение жизнеописания Домникии, составленного Владыкой Дамианом - в последующих номерах «Седмицы»

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*